

Мартынюк, А. В. Лихие люди Московской Руси. Три исторических портрета / А. В. Мартынюк // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Белорус. гос. ун-т.; А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск, 2008. — Вып. 3. — С. 145–158.

А. В. Мартынюк

ЛИХИЕ ЛЮДИ МОСКОВСКОЙ РУСИ. ТРИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОРТРЕТА

Толковый словарь Владимира Даля отмечает двойственную семантику русского слова *лихой*: «молодецкий, хватский, бойкий, проворный, щегольской, удалой, ухорский, смелый и решительный» и одновременно «злой, злобный, мстительный; лукавый» [1, с. 257]. В этом определении, как и в приводимых Далем примерах («лихой малый, лихие кони, лихой наездник; лихой человек, лихое дело, лихая сторона»), положительные характеристики тесно переплетаются с отрицательными, и возникает некое единство, которое трудно разделить. Лихость-удаль и лихость-злодейство составляют как бы две стороны одной медали, невозможные друг без друга, влияющие друг на друга. Вниманию читателя предлагается очерк, посвященный судьбе трех лихих людей, живших во времена Ивана Грозного.

Государев боярин Алексей Данилович Басманов

Алексей Данилович Басманов-Плещеев принадлежал к старинному московскому боярскому роду Плещеевых [2, с. 224—227; 3, с. 177—178]. «И то извечные государские бояре родов за тридцать и более», говорили о Плещеевых царские посланники за рубежом [3, с. 177]. Его отец, Данила Андреевич Басманов, попал в плен к литовцам во время битвы под Оршей в 1514 г. и умер в плену. Впервые на страницы истории Алексей Басманов попадает в 1543 г., когда, согласно позднейшим пометкам Ивана Грозного на полях летописи, он принимал участие в боярском мятеже во времена малолетства царя [2, с. 258—259]. В 1544 г. Басманов был воеводой в Елатье, в 1550 г. — на Бобрике. В 1552 г. ему был пожалован чин окольничего. В том же году Алексей Данилович Басманов участвовал в походе на Казань. Под стенами Казани впервые проявились воинские таланты и удаль Алексея Басманова.

Однажды татары, воспользовавшись беспечностью русских, в обеденное время совершили вылазку и ворвались на позиции Большого полка. Русские воины были застигнуты врасплох и пришли в замешательство, воеводы князь Михаил Воротынский и боярин Петр Морозов были ранены. В этот момент на помощь Большому полку царь отправил Алексея Басманова. После упорного и кровопролитного боя окольничий загнал казанцев «во рвы», откуда они «норами» уползли обратно в город. 30 сентября, после взрыва участка крепостной стены, Басманов со своими людьми бросился на штурм Арских ворот и овладел ими в ожесточенной схватке: «воины же биющеся копии и саблями, за руки имаяся». Завидев русских воинов на крепостных стенах, царь Иван Васильевич приказал и другим воеводам поддержать Басманова. Но остальные полки оказались не готовы, и штурм пришлось отложить на несколько дней. Алексей Басманов и его воины «сядуще два дни и две ночи» в Арской башне, заставившись «крепкими щиты» и отбивая непрерывные атаки татар. Во время решающего штурма Казани 2 октября 1552 г. Алексей Басманов руководил боем у Царских ворот, через которые и вступил в город Государев полк [3, с. 177; 4, с. 212—215]. После взятия Казани Басманов был оставлен там третьим воеводой и принимал участие в окончательном замирении края. Победоносное завершение Казанского похода стало крупнейшим успехом царствования Ивана Грозного и открыло

путь к присоединению к России Поволжья. Однако русским войнам предстояло еще множество битв с татарами — на южных и восточных рубежах молодого Русского государства.

В 1555 г. Басманов отличился в двухдневном сражении с крымскими татарами на Судьбищах. Получив сведения о том, что крымский хан Девлет-Гирей отправился в поход на пятигорских черкесов, царь отправил воеводу боярина Ивана Васильевича Большого Шереметева с 13-тысячным войском «промышлять» против Крыма. Окольничий Алексей Данилович Басманов командовал в этом походе передовым полком. Но, как замечает князь Андрей Курбский в своей «Истории о великом князе Московском»: «А у мусульманских царей издавна есть обычай — туда лук натянут, а туда стреляют, то есть пустят слух об одной стране, что ее хотят завоевать, а пойдут на другую» [5, с. 275].

Под прикрытием слухов о походе на Северный Кавказ, крымский хан с 60-тысячным войском тайно двигался к границам Руси. Русское и крымское войска разминулись в степи возле Изюм-кургана. Опытный воевода Иван Шереметев продвигался по Дикому полю осторожно, и его разведчики первыми узнали о татарском войске. В Москву немедленно были посланы вестники с сообщением о том, что хан идет набегом на Русь. Воевода Шереметев направил значительный отряд к татарскому обозу и заводным табунам лошадей, а сам с основными силами стал идти по сакме (след прошедшего в степи войска) вслед за ханом, намереваясь напасть на крымцев в тот момент, когда они начнут грабить русские земли. Тем самым сложилась благоприятная возможность для окружения и разгрома крымского войска.

Но не дремали и татарские разведчики. От взятых «языков» хан Девлет-Гирей узнал о выступлении спешно собранных русских войск из Москвы к Туле. Не решившись напасть на царские полки, Девлет-Гирей начал отступать от русских границ. В среду 3 июля 1555 г. татары лицом к лицу столкнулись с войском Шереметева. Первый день сражения принес удачу русским войнам, и они значительно потеснили татарские полки. Но в бою татары взяли пленников, и один из них под пытками сообщил хану, что русское войско очень малочисленно, и, более того, треть его послана к татарскому обозу. В эту же ночь воеводы отправили гонцов к этому отряду, но его командиры оробели и стали вместе со взятой добычей отступать к русским границам [3, с. 177; 4, с. 256—258].

Сражение возобновилось на следующий день: «билися до пятого часу дня, полки на полки напушали жестоким крепким боем». Атака русской конницы снова имела успех, татары начали было отступать, но крымский хан удержался с турецкими янычарами. В этот момент был тяжело ранен и сбит с коня главный воевода Иван Шереметев, его вынесли с поля боя «напопы мертва». «Без доброго пастуха и стая львов не помощь» [5, с. 277]: ранение полководца вызвало замешательство среди воинов. Татары перешли в наступление и смяли русские полки, началось бегство: «многие люди з бою съехали, розметав с себя орудие». Поражение в степи от подвижной татарской конницы грозило гибелью всему русскому войску. В этот драматический момент окольничий Алексей Данилович Басманов отступил к обозам, расположенным в лесу, и «велел тут бити по набату и в сурну играти». Несколько тысяч дворян, казаков и стрельцов собрались вокруг Басманова и «осеклись» в дубраве. Ожесточенный бой продолжался до вечера, татары трижды пытались взять русскую засеку штурмом. «И Божиим милосердием, дал Бог, Алексей Данилович тут от царя отсиделся, из луков и из пищалей многих татар побили». Не достигнув успеха, крымский хан ушел в степи.

В битве на Судьбищах русские войска понесли большие потери, но сорвали внезапный набег крымского хана. Без сомнения, основная заслуга в этом принадлежала воеводе Басманову [3, с. 177]. После возвращения из похода, государь жаловал «воевод и детей боярских, которые билися с крымцы», Алексей Басманов был пожалован при этом в бояре. От этого времени до наших дней дошел уникальный документ — вкладная грамота боярина Алексея Даниловича, данная церкви великомученика Никиты в родовом селе Басмановых Елизаровском. Вечная память устанавливалась по родственникам и «по тех людцех, которых на государьских службах

а Поле (в степи. — *А.М.*) и в две Казани при мне, при Алексее, побили. А имена их написаны в большой церкви над жертвенником». «Людци» Басманова — это его воинские слуги, «боевые холопы», которые вместе со своим предводителем ходили в казанские походы и бились на Судьбищах с крымским ханом. Грамота Басманова является единственным такого рода документом XVI в., в котором командир увековечивает память своих погибших товарищей [6, с. 94—96].

Вслед за востоком и югом довелось Алексею Даниловичу повоеводствовать и на северо-западных рубежах России. Русская крепость Ивангород стояла на берегу реки Наровы, напротив немецкого города Нарвы. Большая война еще не началась, но положение здесь было напряженным. Несмотря на заключенное перемирие, продолжались вооруженные столкновения между русскими и ливонцами. Особенно досаждала русским пушечная стрельба немцев, не прекращавшаяся даже на Пасху. Вскоре терпению русских пришел конец. 11 мая 1558 г. Нарву охватил страшный пожар. «Варил чудин пиво, — пишет об этом русский летописец, — да образ чудотворца Николы тот чудин подкинул под котел, и от того пламень шибся и весь город выгорел» [7, с. 235]. Жители города сбежались тушить пожар. Видя «их погибель Божиим гневом», русские воины кто на лодках, кто на досках, кто на снятых с петель воротах и дверях переправились через Нарову и бросились на штурм города. Застигнутые врасплох немцы пытались организовать сопротивление и «билися с ними жестоко», но были сбиты русскими со стен и башен и загнаны в городскую цитадель. Здесь бой разгорелся с новым ожесточением. По приказу Басманова ратники сняли с городских стен немецкие пушки, и под их огнем к вечеру гарнизон цитадели сдался, а жители Нарвы «все добились челом и правду государю дали, что им бытии в холопах у царя и у великого князя и у детей его во веки» [4, с. 293—295]. Как добрый знак и свидетельство милости Божьей образ Николы был найден «в пеплу целы» [7, с. 236]. Так, лихим налетом была взята Нарва — первый ливонский город, за которым последовали и другие. В скором времени вся река Нарова «от верху и до моря» была приведена под власть московского государя.

В 1559 г. Алексей Данилович снова принимал участие в походе против крымцев, в 1560 г. — во взятии Феллина, в 1563 г. в царском походе на Полоцк. Вместе с военными заслугами рос и государственный авторитет Алексея Даниловича. Накануне Ливонской войны он в качестве наместника Новгорода вел переговоры со Швецией, в 1561 г. — со Швецией и Данией, а после

река Нарова «от верху и до моря» была приведена под власть московского государя.

В 1559 г. Алексей Данилович снова принимал участие в походе против крымцев, в 1560 г. — во взятии Феллина, в 1563 г. в царском походе на Полоцк. Вместе с военными заслугами рос и государственный авторитет Алексея Даниловича. Накануне Ливонской войны он в качестве наместника Новгорода вел переговоры со Швецией, в 1561 г. — со Швецией и Данией, а после взятия Полоцка — с Литвой. К середине 60-х гг. боярин Алексей Данилович Басманов становится одной из самых заметных фигур в московском правительстве и ближайшим советником царя [3, с. 177—178].

Первые успехи русских войск в Ливонской войне сменились затяжной кровопролитной войной с Польско-Литовским государством и Швецией. Перед Россией остро стояла большая опасность войны на два фронта: в Ливонии и на южной степной границе, подвергавшейся непрерывным татарским набегам. Выдающийся русский историк В. О. Ключевский так описывает это изнуряющее противостояние: «В продолжение XVI в. из года в год тысячи пограничного населения пропадали для страны, а десятки тысяч лучшего народа страны выступали на южную границу, чтобы прикрыть от плена и разорения обывателей центральных областей. Если представить себе, сколько времени и сил материальных и духовных гибло в этой однообразной и грубой, мучительной погоне за лукавым степным хищником, едва ли кто спросит, что делали люди Восточной Европы, когда Европа Западная достигала своих успехов в промышленности и торговле, в общежитии, в науках и искусствах» [8, с. 201].

Московское правительство пыталось обезопасить себя мирными договорами с Крымским ханством — практика, которая далеко не всегда была удачной. Летом 1564 г. был заключен очередной такой договор. Пока Иван Грозный, вдохновленный дипломатическим успехом, писал крымскому хану Девлет-Гирею «о дружбе крепкой и о братстве», тот собрал войско и, по скупому замечанию летописца, «преступив свою правду», отправился в набег на русские земли. Татарские отряды стремительно двигались к русским границам, а «на берегу», на Оке, стояли лишь «легкие воеводы с малыми людьми», все воинские силы Московского государства были направлены в Ливонию. К счастью, в это время в своих рязанских поместьях отдыхал от ратных трудов Алексей Данилович Басманов с сыном Федором. Наскоро, собрав своих боевых слуг и холопов, лихой боярин напал на передовые татарские разьезды и захватил «языков», которых

немедленно отослал в Москву. Сам же Алексей Басманов укрылся в Рязани. Город был «ветх вельми», в нем не было служилых людей, а лишь горожане и селяне, «которые успели во град прибежати». Басмановы «сущих людей в граде обнадежили» и приготовились к обороне. 2 октября к Рязани подступила крымская орда. Четыре дня татары пытались взять город, «ночным временем с приметом и с огнем многажды прихождаху и хотяху взяти град», но все их приступы были отбиты. Узнав о сборе в Москве русских войск, крымский хан 5 октября начал отступление в степи [3, с. 206; 4, с. 388—389].

Не удовлетворившись достигнутым, Басманов бросился в погоню, разбил один из татарских отрядов и взял в плен 500 татар и мурзу Мамаю [7, с. 246]. За лихость царь пожаловал Алексея Даниловича наградными «золотыми». Мало кто из русских воевод XVI в. мог похвалиться тем, что дважды сорвал планы крымского хана.

Мы не будем подробно останавливаться на роли А. Д. Басманова в опричнине. Боярин Алексей Басманов и князь Афанасий Вяземский сопровождали царя Ивана Грозного при его отъезде в Александровскую слободу в декабре 1564 г., они же руководили «перебором людишек» — формированием опричной гвардии Ивана Грозного. «Самым выдающимся из вождей опричнины» называет А. Д. Басманова историк Р. Г. Скрынников [3, с. 226]. Фактически

Басманов возглавлял опричную Боярскую думу и тем самым стал всеильным временщиком, вселявшим страх и ужас в своих современников. На руках Басманова и его «кромешников» — кровь многих невинных жертв царского произвола. «Преславный похлебник, а по их языку маньяк, губитель святой земли русской», — так писал о Басманове князь Андрей Курбский [5, с. 352—353]. В опричнине же служил и сын А. Д. Басманова Федор — любимец и, если верить свидетельствам современников, любовник Ивана Грозного [5, с. 352—353; 9, с. 55].

Законы террора имеют свою неумолимую логику, и палачи рано или поздно сами становятся жертвами развязанного ими насилия. Зимой 1569—1570 гг. руководители опричнины боярин Алексей Басманов и князь Афанасий Вяземский были обвинены в том, что хотели сдать врагу Новгород и Псков. Обвинение было нелепым, но от того не менее губительным. Как считает Р. Г. Скрынников, устранение Басманова и Вяземского было делом стремившихся к власти новых вождей опричнины — Малюты Скуратова и Василия Грязного [3, с. 377, 404]. Конец Басмановых был страшен. По свидетельству князя Андрея Курбского, по царскому приказу Федор Басманов своей рукой зарезал отца и этим купил себе жизнь [5, с. 353]. Трудно сказать, насколько это известие соответствует действительности. Но в царском синодике по казненным, где Иван Васильевич вел учет своим жертвам, значатся только боярин Алексей Басманов и его младший сын Петр, Федор же был отправлен в ссылку на Белоозеро, где вскоре и умер [3, с. 404]. Так, в пыточном застенке окончил свою жизнь лихой воевода Алексей Данилович Басманов. «Дельным и мужественным воином» называет его историк С. Б. Веселовский и продолжает: «если оставить в стороне вопрос об участии Алексея Даниловича в опричнине, то в его многолетней карьере мы не видим ничего, порочащего его память» [2, с. 226]. Однако личность Басманова-опричника заслонила от историков и потомков личность Басманова-воеводы, на весах человеческого суда чаша злодейских преступлений оказалась тяжелее чаши воинских подвигов.

Расстрига-богатырь Тимоха Тетерин

Тимофей Иванович Тетерин-Пухов происходил из неродовитой, но заслуженной суздальской дворянской семьи [2, с. 453—455; 3, с. 187—188]. Отец и дед Тетерина имели дьяческие чины и отличились на дипломатическом поприще. Дед, Василий Тетерин, был дьяком в Великом Новгороде, а в 1516 г. принимал участие в посольстве к императору Священной римской империи Максимилиану. Отец, Иван Пух Тетерин, в 1538 г. был послом в Казани; в последний раз он упоминается в 1549 г. в связи со свадьбой старицкого князя Владимира Андреевича. В том же 1549 г. Тимофей Тетерин начал свою государственную службу. Как «Тимошка Пухов сын Тетерин» он назван в Разрядах в качестве сына боярского «у коня государева» во время похода на Казань [10, с. 123].

В 1550 г. Тимофей был зачислен в «тысячу лучших слуг» — в состав выборных дворян со всего Московского государства. Неизвестно, участвовал ли он в казанском взятии 1552 г. (во время которого погиб его дядя, Селиван Тетерин), лишь в 1555 г. мы находим его в должности начальника над служилыми татарами в Соли Вычегодской. Но военная судьба Тимофея оказалась связана не с детьми боярскими и служилыми татарами, а со стрельцами. Созданное в 1550 г. и вооруженное огнестрельным оружием стрелецкое войско стало первой на Руси постоянной армией. Как стрелецкий командир, «голова», Тимофей Тетерин весной 1556 г. участвовал в боях со шведами под Выборгом, «побивал немцев» из пушек и пищалей [4, с. 264].

После взятия Казани власть московского государя признала и Астрахань. Но посаженный с русской помощью на астраханский престол хан Дербыш-Алей изменил Москве. Тогда в 1556 г. вниз по Волге были отправлены стрелецкие отряды под началом Ивана Черемисинова, Федора Писемского и Тимофея Тетерина. «И велел (царь Иван Грозный. — *А. М.*) им ити к Асторохани в судех и промышляти своим делом, как им милосердный Бог подаст», пишет летопись [4, с. 266].

Милосердный Бог помог русским стрельцам — Астрахань была взята и приведена к присяге на царское имя. Стрелецкие головы совершили несколько походов против татар, доходя до самого Каспийского моря. В одном из

походов стрельцам Писемского и Тетерина удалось ночью напасть на лагерь мятежного астраханского царька Дербыш-Алея и разгромить его отряды. Однако наутро к астраханцам подошли крымцы и ногаи, и русскому отряду пришлось с боем пробиваться к Волге: «И отошли головы со всеми людьми, дал Бог, здорово» [4, с. 274]. Астраханский хан Дербыш-Алей вскоре прекратил сопротивление и провел остаток своих дней в изгнании в далекой Мекке. Так, вся Волга от истоков и до устья вошла в состав Русского государства.

Через два года мы снова встречаем Тимофея Тетерина на северо-западе России. 22 января 1558 г. русские войска перешли границу Ливонского ордена — начиналась та война, которой суждено будет войти в историю под названием Ливонской. Выйдя из Пскова, московские полки прошли огнем и мечом Ливонию «вдоль на полтораста верст, а поперек на сто верст» и, обогнув Чудское озеро, вышли на русскую территорию в районе Нарвы. «А Немецкую землю повоевали и выжгли и людей побили в многих местех и полону и богатства множество поимали», — докладывал царю стрелецкий голова Тимофей Тетерин, посланный в Москву с вестью об успешной экспедиции [4, с. 289—290]. Этот поход показал военную слабость Ордена, и московское правительство приняло решение военной силой добывать Ливонию и пробивать выход к морю.

Во время штурма Нарвы войсками А. Д. Басманова, стрельцы Тимофея Тетерина и Андрея Кашкарова взяли Русские ворота города и открыли их для русских воинов. Тимофей Тетерин принимал участие во многих боях и осадах в Ливонии и еще дважды возил Ивану Грозному радостные вести о взятии немецких городов Сыренска и Юрьева (Дерпта) [4, с. 298, 304]. Здесь, в Юрьеве, расходятся дороги Алексея

Басманова и Тимофея Тетерина и сходятся дороги Тетерина и князя Андрея Курбского. Под началом Курбского Тимофей Тетерин ходил в походы на немцев, вместе они оказались и в изгнании.

Но удачная военная карьера Тетерина вскоре прервалась. За неизвестную провинность царь положил на него опалу, как на «зловерного единомысленника» Курбского и Адашева. Впоследствии Иван Грозный писал, что хотел было поначалу казнить Тетерина, но потом «пожаловал» его: Тимофей Тетерин всего лишь был сослан в Антониев-Сийский монастырь и насильственно пострижен там в монахи под именем Тихона [3, с. 187]. Царское «пожалование» не пришлось по душе иноку Тихону, и в 1563 г. он бежал из монастыря в Литву, где вскоре оказался и его друг и покровитель князь Андрей Курбский. По свидетельству немца-опричника Генриха Штадена [9, с. 53], Тетерин явился к польскому королю в монашеском платье и клобуке — дело, неслыханное для того века! Иван Грозный, сочетавший в себе исключительную жестокость с глубокой набожностью и истовой обрядностью, был взбешен поступком Тетерина. По описи Царского архива известно сыскное «дело Ондreja Кашкарова да Тимохина человека Тетерина Поздьячка, что они Тимохиным побегом промышляли». По-видимому, стрелецкий командир Андрей Кашкаров не оставил в беде своего боевого товарища Тимофея, за что и поплатился собственной головой. Разъяренный царь казнил его, а также вырезал семью Тетериных «всеродне» — в царском синодике по опальным и казненным значатся 17 родственников Тимофея [3, с. 188].

Из ливонского города Вольмара Тимофей-Тихон Тетерин и другой беглец, Марк Сарыхозин, обратились с посланием к наместнику Юрьева боярину М. Я. Морозову, который в своем письме назвал беглецов изменниками. В ответном послании изгнанники категорически отвергают обвинение в измене: «И ты, господине, убойся Бога, паче гонителя и не зови православных христиан, без правды мучимых и прогнанных, изменниками». Из-за литовского рубежа Тимофей Иванович смог назвать вещи своими именами и сказать то, о чем молчали в Московском государстве: за верную службу «гонитель» (так называет Тетерин Ивана Грозного) подвергает своих подданных опалам и казням, никто не может чувствовать себя в безопасности и никакие заслуги не могут уберечь от бесправия и жестоких преследований. «Есть у великого князя новые верники, — пишет Тетерин, — дьяки ... которые ныне не токмо землю владеют, но и головами вашими торгуют». Молчание и покорность не спасают от произвола: «А Бог, государь, за грехи у вас ум отнял, что вы над женами и над детьми своими и над вотчинишками головы кладете, а жен своих и детей губите, а тем им не пособите. А сметь, государь, воспросити: каково тем женам и детям, у которых отцов различными смертми побиили без правды?» [11, с. 536—537]

В этих словах, как и в посланиях Андрея Курбского, впервые звучат те вопросы, на которые и много веков спустя будут искать ответ русские люди в тяжелую годину. Имеет ли человек право на сопротивление несправедному «гонителю» или должен безропотно склонить перед ним голову? Как провести границу между сопротивлением тирану и изменой Отечеству? Однозначный ответ на эти вопросы трудно дать и сейчас. И тогда, в далеком XVI в., и сегодня каждый человек решает эти вопросы для себя сам. Стрелецкий голова

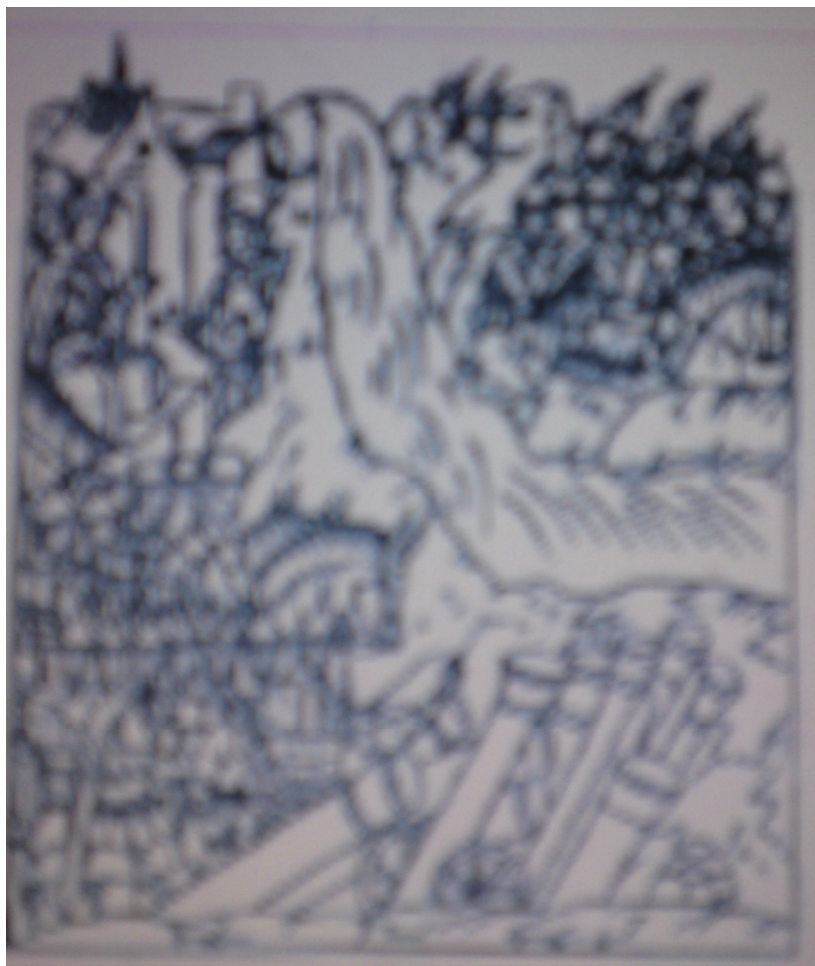
Тимофей Тетерин сделал свой выбор, другая судьба ожидала его адресата. Мрачное пророчество Тетерина сбылось: боярин Михаил Яковлевич Морозов, «муж славного рода» и верный слуга царя, заслуженный воевода, участник казанских, крымских и ливонских походов, был в 1573 г. обвинен в измене и казнен вместе со своей семьей [2, с. 415—416].

Нет сомнения, что письмо Тетерина было доставлено самому царю, более чем десятилетием позже он в своем послании процитирует эти слова Тетерина. Но в историю Ливонской войны Тимоха Тетерин вошел не только словом, но и делом — лихим налетом на Изборск в январе 1569 г. Переодевшись в черные кафтаны опричников, Тимофей Тетерин и Марк Сарыхозин глубокой ночью подъехали к воротам Изборска, и, «вопрошаясь опричниной», потребовали впустить их в город [7, с. 261; 9, с. 53]. Запуганная опричным произволом стража отворила ворота, и в город ворвался литовский отряд. Взятие Изборска не имело большого военного значения (уже через две недели он был снова занят русскими войсками), но оно со всей неприглядностью показало ту атмосферу страха и растерянности, которая царил в Московском государстве при опричных порядках. Для царя Ивана Васильевича изборское дело явилось настоящей пощечиной и вызвало его раздражение и злобу: созданная им для «бережения государства» опричнина парализовала страну, многочисленные «сыски» и «изменные дела» лишь порождали настоящую, а не мнимую измену. Как это часто бывало в русской истории, лекарство оказалось страшнее болезни.

Своему послу, отправляющемуся в Литву в феврале 1569 г., Иван Грозный наказывал так говорить и действовать при встрече с русскими эмигрантами: «С изменником что говорити? А вы своею изменою сколько не лукавствуйте бесовским обычаем, а Бог милосердие свое государю свыше подает на враги победу, а вашу измену разрушает... А то говорити с Курбским или с иным с радным (знатым. — *А. М.*), а с худым того не говорити, худому, излаяв, да плюнути в глаза, да и пойти прочь» [3, с. 361]. Несомненно, Тимоха Тетерин и был тем, кому по царскому наказу полагалось «излаяв, да плюнути в глаза». Несмотря на внешнее пренебрежение, московское правительство продолжало пристально следить за судьбой русских эмигрантов в Ливонии. Русский посол в Литве князь Г. Ф. Мещерский докладывал царю в 1571 г.: «А Тимохе Тетерину и Кошкарову и Хотену Волуеву именишко подаваны от вифлянские границы, а приезжи к старосте к жемотскому и на службу с ним ходят» [3, с. 361].

В 1577 г. русские войска, предводительствуемые самим царем, предприняли масштабное и успешное наступление на Ливонию. Были взяты Розитен, Динабург, Кокенгаузен, Вольмар, Венден и многие другие города. Практически вся Ливония, за исключением Ревеля и Риги, была в руках Ивана Грозного. Это была вершина русских успехов в Ливонской войне. Иван Грозный торжествовал. Из взятого Вольмара он направил «широковещательные и многошумящие» послания своим врагам: польскому королю Стефану Баторию, гетману Яну Ходкевичу, бывшему любимцу, а затем непримиримому оппоненту князю Андрею Курбскому.

Вспомнил царь и скромного стрелецкого командира: «От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и многих земель государя к Тимофею-Тихону Иванову сыну Тетерину-Пухову». Прочитав письмо Тетерина боярину Морозову, Грозный счел нужным указать изменнику на его ничтожество и свое царское величие: «Так чего же ты, расстрига-богатырь, захвативший предательством Изборск, ныне за Двину в Литву побежал, а ни в какой башне не удержался? А в этом опальном наместничестве, в Юрьевском, ныне мы сами сидим». Со свойственным ему черным юмором, Иван Васильевич предложил Тетерину: «А вам бы сейчас лучше всего нас здесь дожидаться — мы бы вас во всех бедах

Отражение татарского набега на берегу реки Оки.
Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.
(Синодальный том)

успокоили!» Поглумившись кратко («а нечего к тебе, холопу, много и писать»), Иван Васильевич вспомнил те времена, когда Тимоха Тетерин приносил ему победные новости из первых ливонских походов, и распрощался с беглым монахом [11, с. 212, 389].

О дальнейшей судьбе Тимофея Тетерина сведений сохранилось мало. Известно, что в 1579 г. он принимал участие в походе польского короля Стефана Батория на Полоцк, а в 1580 г. царь Иван Грозный в разговоре с польским послом поминал Тимоху Тетерина и его «злодейства» [3, с. 188]. Видимо, крепко запал в душу царю «расстрига-богатырь», и Иван Грозный долго продолжал ожидать от него какого-нибудь лихого дела.

Балагур и «кромешник» Васюк Грязной

Василий Григорьевич Грязной происходил из дворянского рода Ильиных. Его предки служили ростовским архиепископам и удельным старицким князьям [2, с. 213—215; 3, с. 376, 438] . Сам Василий впервые упоминается в 1567 г., когда он участвовал в походе на Литву, с этого же года он появляется на опричной службе. Веселый балагур и неутомимый собутыльник, Васюк Грязной быстро входит «в случай» (в фавор) при царе, участвует в «царских потехах», становится ближайшим помощником Малюты Скуратова. Во время

конфликта Ивана Грозного с митрополитом Филиппом Колычевым Грязной был в числе тех опричников, кто ворвался в храм во время богослужения и свел Филиппа с престола. В 1569 г. Васюк Грязной вершил суд и расправу над своим бывшим сюзереном, князем Владимиром Андреевичем Старицким. Учинив сыск, опричники обвинили удельного князя в попытке отравления царя и умучили его вместе с его семьей. Зимой 1569—1570 гг. Грязной принял активное участие в походе Ивана Грозного с опричным войском на Новгород и страшном погроме города. Думается, числились за Васюком и иные темные и кровавые дела. Устранив старых вождей опричнины — боярина Алексея Басманова и князя Афанасия Вяземского — Малюта Скуратов и Василий Грязной становятся фактическими руководителями черного опричного «братства» [3, с. 377, 404, 438].

После отмены опричнины осенью 1572 г. Иван Грозный стал тяготиться своими недавними любимцами. При штурме ливонского замка Вейсенштейна (Пайды) 1 января 1573 г. Васюк Грязной вместе с Малютой Скуратовым и другими видными опричниками был «пожалован» царем — послан «на пролом» крепостной стены впереди штурмовых колонн; на этом штурме Малюта сложил свою голову. За вдовой Малюты царь сохранил богатое денежное содержание, его имя поминалось в церквах, но многие другие опричники, в том числе и Грязной, попали в немилость. Царь велел убить двоюродного брата Васюка, известного опричника Григория Борисовича Грязного, и заживо сжег сына Григория Никиту [3, с. 438]. Это было дурным знаком: Иоанн Васильевич имел привычку расправляться со своими мнимыми врагами «всеродне», уничтожая опальных целыми семейными кланами. В 1573 г. Василий Грязной был отправлен в небольшую крепость Донков, на крымском пограничье. Во время глубокого похода в степь «языков добывать» Грязной попал в плен к татарам. Чтобы оценить опасность задания, на которое послал Иван Грозный своего опричника, следует напомнить, что совсем недавно, в 1571 г., крымский хан прорвал русскую оборону и сжег Москву, а в 1572 г. лишь с большим напряжением сил было отражено новое татарское нашествие. Создается впечатление, что Иван Грозный хотел избавиться от своего бывшего любимца — если не у стен ливонского замка, то, по крайней мере, в сухих донских степях. Из татарского плена Грязной и обратился к царю с просьбой выкупить его или обменять на какого-нибудь татарина. Так завязалась знаменитая переписка царя с его опричником, которая своей необычностью и почти интимной откровенностью вот уже более двух столетий привлекает к себе внимание историков и исследователей русской литературы и культуры.

В своем рассказе об обстоятельствах пленения Василий живо описывает обстановку дальней разведки в степи [11, с. 566—569]. Посланные им дозорные робели и не решались удаляться далеко от отряда: «А кого не пошло, и тот не доедет, да воротится, да приехав солжет: где ни увидит какой зверь, да приехав скажет — “люди”». Отряд выдержал стычку с татарами на Карачекре и дошел до реки Молочные воды, впадающей в Азовское море. Здесь Грязной отправил вперед Василия Степанова «с товарищи», наказав им «гонять» вражеских сторожей и навести их на основные силы, расположившиеся в засаде. Степанов наткнулся на татарский отряд в двести восемьдесят всадников и стал уходить. Пропустив мимо себя отступающих разведчиков, Васюк Грязной со словами «Пора напустить!» бросился на татар. Но ратники не последовали примеру своего командира и бежали с поля боя. «А тут и рук не

подняли, — сетует Василий на своих людей, — а было сто пятнадцать лучников, а меня, холопа твоего, выдали». Татары сбили опричника с коня и скопом навалились на него, видимо, желая любой ценой взять

вражеского предводителя живым. Отбиваясь, Грязной «над собой укусил шесть человек до смерти» и ранил более двадцати вражеских воинов. Нет оснований сомневаться в приведенном описании: тяжелораненого Василия доставили в Крым и бросили перед ханом «чуть жива», чему были свидетелями царский посол Афанасий Нагой. В Крыму Васюка морили голодом и держали в кандалах, но верный опричник и здесь стремился служить государеву службу: собирал вести о планах крымского хана, организовывал выкуп русских пленников, интриговал против изменника Кудеяра Тишенкова, которого на Руси считали главным виновником сожжения Москвы в 1571 г. [12, с. 54, 69—71, 76—78]. По-видимому, Васюк неосторожно бахвалился своим положением при дворе московского государя, и крымский хан потребовал от царя обменять Грязного на Дивея-мурзу, знаменитого крымского полководца, «кровопийцу христианского», по выражению князя Андрея Курбского, попавшего в плен к русским в битве на Молодах в 1572 г.

Царь-государь Иван Васильевич любил эпистолярный жанр и не преминул лично ответить бывшему любимцу. Для начала припомнил опричные пиры и насмешливо укорил «Васюшку» за беспечность: «Ты думал, что в окольные места приехал с собаками за зайцами, а крымцы самого тебя к седлу и приторочили. Или ты думал, что и в Крыму можно так же шутить, как у меня, стоя за кушаньем? Крымцы так не спят, как вы, да вас, неженок, умеют ловить; они не говорят, дойдя до чужой земли: пора домой!» Затем, раздражаясь, указал своему любимцу на его низкое происхождение: «Ты объявил себя великим человеком, так ведь это за грехи мои случилось (и нам это как утаить?), что князья и бояре начали нам изменять, и мы вас, холопов, приближали, желая от вас службы и правды. А вспомнил бы ты свое и отца своего величие в Алексине — такие там в станицах езжали, а ты в станице у Пенинского был чуть ли не в охотниках с собаками, а предки твои у ростовских архиепископов служили. И мы не запираемся, что ты у нас в приближенье был. И ради приближенья твоего тысячи две рублей дадим, а до сих пор такие и по пятьдесят рублей бывали». Определив масштабы своей царской милости в полновесных рублях, Иван Васильевич наотрез отказался менять Грязного на Дивея-мурзу: «Тебе, выйдя из плена, столько не привести татар и не захватить, сколько Дивей христиан пленит. И тебя ведь на Дивея выменять не на пользу христианству — во вред христианству: ты один свободен будешь, да, приехав, лежать станешь из-за своего увечия, а Дивей, приехав, станет воевать да несколько сот христиан получше тебя пленит. Какая в том будет польза?» Свое письмо царь завершил резкими, откровенно ханжескими словами: «Если же из гордости ты станешь против христианства, то Христос тебе противник!» [5, с. 170—173; 11, с. 193—194, 370—371].

«От тебя, от государя, писано жестоко и милостиво», — отвечал Ивану Васильевичу бывший опричник. Васюк подробно оправдывался в царских упреках, вспоминал свои службы, пытался лестью вернуть милость царя: «Ты, государь, аки Бог — и мала и велика чинишь». При всем подобоострастии своего письма Василий Грязной сумел найти и достойные слова в ответ на царские упреки: «А я, холоп твой, не у браги увечья добыл, не с печи убился». В этих словах чувствуется задетая честь служилого человека: веселый балагур и жестокий «кромешник», Васюк Грязной служил грозному государю честно, по царскому слову карабкался на крутые валы Пайды и изводил «государевых изменников». По-видимому, сравнение с зайцем, притороченным к седлу, уж очень сильно не пришлось по душе опричнику, раз он

решился на этот явный и горький упрек самому Грозному. В завершение письма Васюк препоручил себя царской милости, уповая на то, что государь его не забудет [11, с. 566—569; 12, с. 64—67, 74—76].

Иван Васильевич велел Васюку «не дуровать» и обещал позаботиться о нем самом и о его детях. После долгих переговоров в марте 1577 г. состоялся выкуп Грязного, подробный отчет о котором сохранился в донесении московских послов. Татары привезли опричника «на телеге, скована» и сразу же приступили к делу: «Что за него дадите?». Царские посланники заявили крымцам, что «Василий — человек молодой (это не возраст, а социальный ранг. — *А. М.*)» и цена ему — рублей двести, но «по случаю, по государскому приближению», они готовы дать и тысячу. После короткого торга, активное участие в котором принял сам Грязной, стороны ударили по рукам на царских двух тысячах. Летом того же года Василий Грязной был на прощальном приеме у нового хана Магмет-Гирея, который пожаловал ему «атлас золотный» [12, с. 55].

Дальнейшая судьба Грязного теряется в потемках. Остается неясным, смог ли он вернуться в Россию или умер в Крыму. Видимо, Грязной слишком глубоко запутался в дипломатических интригах и был по каким-то причинам задержан ханом. Так и не привелось ему «видеть очи государевы», о чем Васюк мечтал в своих письмах. В русской истории Васюк Грязной останется именно благодаря своей переписке с царем, из которой живо встают образы грозного царя и его верного опричника.

Интересно проследить судьбу потомков Василия Грязного. Его сын Тимофей Васильевич Грязной за «полонное терпение» отца получил поместье. При царе Борисе Годунове он служил государеву службу и имел денежный оклад в 60 рублей. Смутное время дало возможность сполна раскрыться лихой натуре Тимофея. Он участвовал в свержении Василия Шуйского в 1610 г., некоторое время служил Лжедмитрию II и получил от «тушинского вора» чин окольного, затем присягнул польскому королевичу Владиславу и ведал при польской оккупации Москвы Монастырским приказом. По изгнании поляков Романовы лишили Тимофея чинов и поместий, и в 1616 г. он снова был простым московским дворянином с тем же самым окладом в 60 рублей. По-видимому, Грязных это не удовлетворило, и в 1634 г., во время Смоленской войны, сын Тимофея, Борис Тимофеевич Грязной, сбежал из своего полка в Литву. Трудно не согласиться с замечанием известного знатока московской старины С. Б. Веселовского, что «в роду Грязных традиции политического авантюризма держались прочно» [2, с. 216].

Государев боярин Алексей Басманов, переправляющийся на вышибленной двери через Нарову; расстрига-богатырь Тимоха Тетерин, стучащий в морозную январскую ночь в ворота Изборска со словами «Открывай! Я иду из опричнины»; балагур и «кромешник» Васюк Грязной, без колебаний «напускающийся» на толпу татар — это были смелые и яркие люди, которые невольно вызывают симпатию. Они заметно выделяются на фоне своего времени, отнюдь не бедного яркими характерами, им посвящают письма и страницы своих произведений многие их современники, включая самого царя Ивана Грозного, — все это красноречиво свидетельствует о том, что они были далеко незаурядными личностями. Конечно, все они далеки от классического образа исторического героя, знакомого нам по школьным учебникам, и каждому из них легко можно бросить справедливый упрек. Опричники Алексей

невольно вызывают симпатию. Они заметно выделяются на фоне своего времени, отнюдь не бедного яркими характерами, им посвящают письма и страницы своих произведений многие их современники, включая самого царя Ивана Грозного, — все это красноречиво свидетельствует о том, что они были далеко незаурядными личностями. Конечно, все они далеки от классического образа исторического героя, знакомого нам по школьным учебникам, и каждому из них легко можно бросить справедливый упрек. Опричники Алексей Басманов и Василий Грязной запятнали себя кровью невинных жертв, Тимофей

Тетерин перешел на сторону врага во время войны. Но не хотелось бы высокомерно судить этих людей с позиций нашего времени и нашего восприятия. Каждая эпоха налагает на современников свой собственный отпечаток, создает свои неповторимые типы человеческих характеров. XVI в. был жестоким, лихим веком, и люди этого века были жестокими, лихими людьми; как кажется, именно эта «лихость» и является ключом к пониманию героев того времени. Они были готовы идти до самого конца — как в лихой удали, так и в лихом деянии, легко переходя границу между добром и злом. Данный текст мы начали с цитаты из толкового словаря Владимира Даля и, вероятно, уместно будет закончить его цитатой из этимологического словаря Макса Фасмера. Исследуя происхождение слова *лихой*, крупнейший этимолог-славист указывает его первоначальное значение: «превышающий меру» [13, с. 505]. Смелые и яркие люди, «превышающие меру», престапующие черту — быть может, эти слова лучше всего характеризуют и описанные выше характеры, и их эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. М. : Русский язык, 1978—1980. Т. 2. 1979. 779 с.
2. Веселовский, С. Б. Исследования по истории опричнины / С. Б. Веселовский. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 539 с.
3. Скрынников, Р. Г. Царство террора / Р. Г. Скрынников. СПб. : Наука, 1992. 571 с.
4. Полное собрание русских летописей: в 41 т. / СПб.; М.; Л., 1841—1995. Т. 13: Патриаршая или Никоновская летопись. М. : Наука, 1965. 532 с.
5. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. : Художественная литература, 1986. 640 с.
6. Назаров, В. Басманов и его «люди» / В. Назаров // Родина. 2004. № 12. С. 94—96.
7. Псковские летописи: в 2 вып. / под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1941—1955. Вып. 2. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. 364 с.
8. Ключевский, В. О. Сочинения: в 9 т. / В. О. Ключевский. Т. 2: Курс русской истории. М. : Мысль, 1988. 447 с.
9. Штаден, Генрих. Записки немца-опричника / Генрих Штаден / сост. и коммент. С. Ю. Шокарева. М. : Российская политическая энциклопедия, 2002. 240 с.
10. Разрядная книга 1475—1598 гг. / под ред. В. И. Буганова. М. : Наука, 1966. 614 с.
11. Послания Ивана Грозного / подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1951. 715 с.
12. Садиков, П. А. Царь и опричник / П. А. Садиков // Века [Исторический сборник]; под ред. М. Д. Приселкова. Ч. 1. Пг. : Наука и школа, 1924. С. 36—78.

13. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. М. : Прогресс, 1986—1987. Т. 2. 1986. 671 с.

SUMMARY

The author of the article considers the biographies of three outstanding historical figures of the middle of the XVI century — *boyar* Aleksey Basmanov, *strelets'* leader Timopheyy Teterin and *opritchnik* Vasily Gryaznoy. These persons were in the immediate surroundings of Tsar Ivan the Terrible and took a most active participation in the historical events of that time: the seizure of Kazan in 1552, the Livland war and the oprichnina terror. Their life stories are described against the background of the heroic but cruel epoch of Ivan the Terrible. It is not easy to give a conclusive assessment of the activities of the above mentioned public figures, but they are undoubtedly the most prominent representatives of Moscow Russia. And their biographies are a bright illustration of the dramatic events of the XVI century Russian history.

